

ОСЕЧКА

Рассказ

Тьфу-тьфу-тьфу, пока все складывалось как нельзя лучше, и от предчувствия близкой удачи покалывало в висках. Даже окружающая уличная мельтешня, раньше всегда раздражавшая, воспринималась теперь совсем иначе. В пестрой толпе глаз вдруг выхватывал стройную девичью фигурку в мини-юбке и топике, открывающем для обозрения нежную впадину пупка, и он со сладкой внутренней дрожью думал: “Подожди, подожди, скоро и ты тоже раскинешь свои загорелые ножки подо мной”.

Вокруг что-то беспрерывно двигалось, издавало звуки, но он был уже настроен на определенную волну. Вот из белого спортивного “Мерседеса” выпархивала утонченная дамочка и в сопровождении импозантного кавалера, гордо вскинув кукольную головку, входила в какое-то сверкающее заведение с огненной вывеской, обещающей тридцать три удовольствия.

Он проходил по тротуару рядом, невольно попадая в дурманящее облако ее духов, и зло убеждал себя: “И это от меня тоже никуда не денется”.

Впрочем, на первом заказе столько денег, конечно, не заработать. Но важно положить начало! Не зря же говорил ему Толстяк, посредник, передавая “ствол” в заплеванной забегаловке:

— Ты, главное, сделай этого фантика как надо. Завалишь грамотно его, без работы не останешься, уверяю тебя. Мочить народу нужно много... А там и бабки совсем другие попрут — так что флаг тебе в руки!

Снова и снова мысленно возвращаясь к этой очень важной для него встрече, он с удовлетворением отмечал, что ему удалось-таки унять предательский озноб, выстроить идеальную линию поведения: быть немногословным, сухим, деловитым. Так непринужденно и подобает вести себя человеку, который берется за нелегкое ремесло и с п о л н и т е л я.

Наконец-то, наконец-то жизнь пойдет по-другому, станет яркой, насыщенной. Прочь сомнения, вялость, нерешительность —

этих навязчивых спутников хандры! Бывало, долгие дни он проводил, обессиленный, лежа на диване. Закинув руки за голову, он словно загипнотизированный неотрывно следил за суетливой, тонкой как спица секундной стрелкой настенных часов: почти смирившийся и покорный, он наблюдал, как стремительно убегает время. Оно утекало, сочилось по капле, секунда за секундой — тик-так, тик-так — и мгла опять неслышно окутывала город, и еще один день осыпался на подзеркальник шуршащим календарным листком. Он лежал и тихо ненавидел себя: его сильное, мускулистое тело, представлявшееся таким совершенным, изнывало от скуки.

А ведь где-то кипела яркая, суматошная жизнь, наполненная до краев блеском, роскошью, громкой музыкой и сиянием восхитительных глаз. Ему казалось, что в том мире передвигались какие-то особенные люди, невозмутимые, очень уверенные в себе. Их ослепительное существование было чудесной тайной: он мог только догадываться о тех утонченных наслаждениях, которые они способны были доставлять себе. Однако кое-что он все же видел, и этот замерший на стоянке возле казино новенький “Мерседес”-родстер как раз и являлся ярким свидетельством их вседневного торжествующего пира.

Но ничего, ничего, скоро у него тоже будут бабки, скоро он докажет себе и другим, что он не слизняк, не ничтожество. Он будет гонять на новенькой “девятке” (для начала), снимать смазливых глуповатых старшеклассниц, таких падких на “красивую жизнь”, и направо-налево разбрасывать купюры. Слетает куда-нибудь на экзотические острова, пожалуй, на Кубу: Толстяк говорит, что там сногшибательные мулатки стоят всего десять баксов! Потом, может быть, поколесит по Европе... Эх, да разве могут возникнуть какие-то проблемы у человека, внутренний карман модного пиджака которого приятно оттягивает бумажник толщиной с котлету? То-то!

Он растягивал губы в язвительной ухмылке и мелко и часто кивал самому себе головой, как бы оставляя без внимания чересчур уж простой и ясный ответ.

Но тут откуда-то снова всплывало надоедливое: “Не зарывайся, чудик, все это нужно будет как следует отрабатывать!”

Отрабатывать?! Да без вариантов! Что, у него не поднимется рука на какого-то пронырливого делягу, незнамо какими аферами набившего кошину и теперь раскатывающего на сверкающих иномарках и запросто окучивающего умопомрачительных девах? Далеко ходить не надо — вон вам свежий пример: красотка, вся из себя царица, топает по панели модными каблучками, с непринужденным видом садится в гостеприимно распахнутый “Лексус”. Сколько шоколада ей придется потом сжевать, чтобы восстановить пошатнувшееся внутреннее равновесие? Славно об этом когда-то обмолвился бабник и кабацкий завсегдатай Есенин:

Молодая, с чувственным оскалом,

Я с тобой не нежен и не груб.

Расскажи, у скольких ты с... ласкала?

Сколько рук ты помнишь, сколько губ?

Впрочем, все то лирика, бред. А нужно мерекать, как обтяпать дельце идеально. Еще и еще раз мысленно прокрутить ситуацию, пройти ее пунктирно, чтобы не случилось после, в жаркую минутку, никаких запинок.

Забавно, что ни говори, идти шаг за шагом рядом со своим призрачным двойником, переживая будущий триумф. За пазухой тяжело оттягивает кожу прохладный “ТТ”, прилепленный к телу скотчем — до места добираемся на общественном транспорте (слегка рискованно, но зато не требуются помощники-подельники-свидетели) и внешний вид должен быть идеальным: никаких выпуклостей. А ты, миловидное создание, так доверчиво исподтишка изучающее меня, знаешь ли, куда я еду? Чуть-чуть ей улыбнуться, как бы поощряя к никогда не будущему знакомству. Вообще вести себя раскованно, свободно переводить глаза с одного субъекта на другого. Жизнь прекрасна тем, что удивительна. Ты догадываешься ли, мент, мусорило, старлей, что я рулю на мокруху? Пиф-паф, и у кого-то в башке получится две лишних дырки. Забавно? Столкнулись взглядами, как ледокол со льдиной, я и неизвестно чем озабоченный страж порядка. Нет, ничего не заметил, и это мне добавочный плюс: значит, нервы в ажуре. Так,

выходим на определенной остановке, выпутавшись из манящих в никуда наивных прозрачных глазок этой дурехи. Асфальт мягок, пружинит под ногами, но сие от погоды — солнышко что-то больно шпарит. До пункта назначения остается несколько сотен метров, но не будем спешить. Наш путь лежит через малонаселенный квартал, через тенистый двор к испещренному лаконичными письменами доминошному столу на его краю. Пристанем на время к нему. В руках у нас банка с безалкогольным пивом и пластиковый пакет, в который торопливо погружается наш изрядно вспотевший стальной восьмизарядный друг. Здесь вокруг тишина, шелестит густая листва, окрест не видно любопытных окон (разве только через редкие просветы в зелени), зато как на ладони — точка сосредоточения обостренного внимания — довольно-таки просторная пауза между жилыми двенадцатиэтажными башнями-близнецами. Ловко все-таки выбран наблюдательный пункт: прежде чем резвая иномарка докатится до вертикальных прутьев автоматических ворот, она, распрекрасная, неминуемо появится там, на единственной подъездной дороге, описывая заданную полудугу. Вот тогда-то нетерпеливый патрон и начнет свое роковое освобождение из обоймы. Дальше дело совсем уж пустяковое: иные вахлаки-коммерсанты не только экономят на охране, но и водят машину сами. Считают, поди, себя неинтересными фигурами — как же, все вокруг схвачено! Только мы имеем возможность опровергнуть вас в этом легковесном мнении. Делаем несколько мелких шажков к густой щетине кустов на обочине, осторожно раздвигаем упругие непослушные ветви и — смертным ужасом опалает нас прощальный взгляд ездока из-за тонированного стекла подоспевшего “Шевроле-Блейзера”...

Ну, пора, пора. Он затянул потуже брючный ремень и принялся возиться с кружком липкой ленты. Руки слегка дрожали, и край никак не хотел отделяться от бобины. Наконец отделился. Теперь пистолет: может, стоит сразу загнать патрон в патронник и поставить на предохранитель? А то, неровен час, случится перекосяк... Вообще-то “ТТ” — надежный “агрегат”, но как поведет себя дешевая китайская копия? (Толстяк клялся-божился, что

несколько выстрелов выдержит — не откажет, не заклинит.) Он немного поразмыслил и решил затвор не трогать: в конце концов, так безопаснее. С большим трудом прикрепил почти килограммовую железяку на левом боку. Теперь в путь.

Улица встретила странной настороженностью. На мгновение даже показалось, что всё движущееся — автобусы, машины, люди — принимает участие в каком-то непонятном завораживающем действе, где он был главным лицом — и вот сейчас ожидает его выхода. “Но это уж слишком”, — зло усмехнулся нелепой, ненужной фантазии и решительно двинулся к автобусной остановке.

У стеклянного павильона с полукруглой прозрачной крышей и желтой табличкой расписания расстановка статистов оказалась несколько иной, нежели думалось: на деревянной скамейке сидела старушка-божий одуванчик с хозяйственной сумкой и по-совиному хлопала красноватыми слезящимися глазами; стайка девчонок-подростков рядом шумно и сбивчиво обсуждала “милашку Ди Каприо”; обязательного милиционера не было видно. Все почему-то одновременно обернулись в его сторону. Слегка смущенный и озадаченный этим неожиданным обстоятельством, он скромно засунул в уголок и почувствовал облегчение только тогда, когда желтобокий “Икарус”, тяжело отпыхиваясь, затормозил у бордюра.

Внутри автобуса ему опять стало, однако, как-то не по себе. За стеклом плавно плыл, точно аквариумный, городской пейзаж, пассажиры покачивали в такт хода головами, и от этого всеобщего замедленного кивания к горлу вдруг подступила предательская тошнота. Он стиснул зубы, сжал в кулаке подозрительно зыбкий металлический поручень, но нисколько не полегчало. Лица зеленели, синели, серели, пучась на него, и среди этого цветистого пугающего маскарада чей-то надтреснутый голос заученно-твердо вдруг объявил: “Пожалуйста, ваш билетик”. Его словно окатили ушатом холодной воды. Он задрожал, суетливо зарыскал руками по одежде, сунул зачем-то пальцы в кармашек для мелочи, потом, не глядя перед собой, буркнул: “Нету”. Тогда тот же, казалось, бесстрастный испорченный баритон продолжил: “Платите штраф, гражданин”. Его бросило в жар. Он готов был провалиться сквозь

землю. Наконец, поднял глаза и увидел невзрачного мужичонку в смешной бейсболке и вылинявшей майке. В этот момент тяжесть на левом боку начала катастрофически уменьшаться, уменьшаться — и вот уже пестрая рубашка надулась огромным недвусмысленным бугром. Он ткнул в цепкие прокуренные пальцы какие-то деньги и торопливо выскочил в разверзшиеся двери.

На свежем воздухе немного отлегло. Ругая себя за несобранность — надо же, чуть не прокололся на мелочовке, совсем забыл про билет! — он достал из-за пазухи отлепившийся пистолет и, почти не таясь, переложил его в пластиковый пакет. Основная часть тернистого пути была преодолена.

Между тем он ощутил, как легкий озноб, едва заметным жжением обозначившийся в напряженных икрах, стал медленно распространяться по всему телу. И все вокруг тоже продолжило меняться, точно сообразуясь с этим внутренним лихорадочно нарастающим колтуном. Хорошо знакомый доминошный столик на отшибе покрылся зеленоватым налетом пушистого мха, качался на тихих волнах; листья на деревьях противно дребезжали как жестяные. Он опустился на лавку, даже и не обратив особого внимания на то, что рядом кто-то находится. Этот кто-то тут же пихнул его в плечо и пьяно заблеял:

— Э-э, род-д-димый, ты не того...

Он промямлил что-то в ответ. В голове с ухающими приливами крови больно бились слова: “Надо мочить, НАДО МОЧИТЬ, НАДОМОЧИТЬ, НАДОМОЧИ...”

Он впился взглядом в чернеющий траурной рамой провал между домами, отчаянно надеясь, что вот-вот мелькнет заветная быстрая цель, и тогда наконец кончится эта свистопляска, этот навязчивый кошмар наяву: четыре сбоку — ваших нет. Но сосед уже мочалил его рукав, пускал слюни на плечо, тошно дыша в самый нос перегаром.

— Ты эт-та не того...

Глаза слезились, траур крепа неизбежно обрастал кровавым подбоем и роскошной бахромой, когда что-то произошло — был какой-то резкий звук? дрогнули прямые линии стен? — и тотчас из-за дома, сияя дисками, вырвалась стремительная автомашина.

Он мгновенно оказался на ногах, отшвырнул притулившегося рядом говоруна и, не обращая внимания на ругань, огромными прыжками побежал к кустам, сжимая в согнутой руке пистолет, на котором еще болтался бесполезно шелестящий чехол пластикового пакета.

Ветки хлестанули по щекам, глухо клацнул затвор, досылая в ствол смертельную дозу. Ну... Ну... Гул мотора приближался. Он в последний раз нервно перебрал пальцами по рукоятке, вскинул голову и — вот оно, долгожданное сероватое стекло и знакомый по фотографиям профиль за ним. Рука сама выскочила вперед, указательный палец вдавил спусковой крючок, щелчок... Осечка!!! По кисти тут же хлестко садануло резко открывшейся дверцей, земля вместе с машиной, расползающимися воротами и праздным охранником полетела куда-то вбок, в глазах полыхнуло, и уже на границе сознания он услышал, как кто-то визжащим голосом совсем близко запричитал: “В-вяжи, в-вяжи его... Ссука, чуть было меня не завалил!”